

СЕРГЕЙ ЗИМОВЕЦ

От закона Ома к квантовой теории бессознательного

Для расчета величины силы тока, протекающего через человека при попадании его под электрическое напряжение, сопротивление тела человека условно принимается равным 1 кОм. Эта величина имеет малое отношение к реальному сопротивлению человеческого тела. В реальности сопротивление человека не является омическим, так как эта величина, во-первых, нелинейна по отношению к приложенному напряжению, во-вторых, меняется во времени, в-третьих, гораздо меньше у человека, который волнуется и, следовательно, потеет и т.д.

«Закон Ома», *Википедия*.

Сопротивление — временами тайное, скрытое, временами явное, демонстративное; сопротивление власти, режиму, другому человеку, внешней угрозе. И сопротивление (как правило, неосознанное) внутреннему избыточному напряжению, сопротивлению запретному желанию, разрушительному аффекту, то есть сопротивление самому себе. В этих разнонаправленных векторах пребывает и выражает себя сопротивление. Оно как бы «локализовано» на границе внутреннего и внешнего, то есть представляет из себя некую «кожу» психического, разделяющую и контактирующую, избирательно пропускающую или отторгающую, обеспечивающую защиту жизненного, психоэмоционального и идентификационного статуса индивида.

В этой логике «кожной» метафоры сопротивление связывается с психологической защитой, или, по крайней мере, с механизмами защиты. Собственно, так его и рассматривает З. Фрейд, уточняя в работе *«По ту сторону принципа удовольствия»*, что сопротивление есть форма защиты, причем обладающая «силой», то есть количественной — мерной — характеристикой. Фактор количества (силы сопротивления) прямо пропорционально связан с тем, что защищается. В *«Исследованиях истерии»* Фрейд вводит метафору патогенного ядра, вокруг которого, как листья в луковице, сосредоточены защиты. И чем больше защит преодолевается в анализе, то есть чем «ближе» аналитический процесс проникает к патогенному ядру в бессознательном, тем сильнее становится сопротивление. Что-то вроде того, что омовское $I=U/R$ в преобразованном

для психики виде будет означать, что I , в качестве меры силы сопротивления, прямо пропорциональна U , растущему напряжению на подступах к патогенному ядру. Но, между тем, достигая в анализе некоего экстремума (соприкоснувшись с ядром? «вспотев от волнения?»), данное значение с необходимостью должно перешагнуть, обнулить омическую резистентность (R), само «сопротивление материала». То есть вызвать «короткое замыкание», или, психологически выражаясь, *инсайт*.

На чем основывается такого рода научная парадигма метапсихологии психоанализа? Какие неявные факторы задают физико-энергетический контекст рассуждений о психических процессах, которые давно для всей профессиональной среды: а) имеют сугубо функциональный характер, б) реализуются только в динамическом виде? Идеалы естественно-научного знания XIX и отчасти XX веков, опрокинутые на сферу наук о человеке? Дидактическая топологизация ментальных представлений? Или логико-репрезентативные системы производства знания, то, что Ж. Лакан обобщенно называл «дискурсом университета»?

Как бы то ни было, мы можем с уверенностью зафиксировать, что психоаналитический дискурс сопротивления приходит в себе же самом к своей собственной границе: к невозможности коммуникации с травмой на своем собственном языке. По всей видимости, для того чтобы такая коммуникация состоялась, необходимо выйти за границы профессионального языка и использовать структуру иного дискурса. Но что — в свою очередь — это означает: «использовать структуру иного дискурса»? Не является ли эта попытка легитимировать свое знание через легитимность другого стандартной попыткой, которую реализуют все известные в истории лженауки от алхимии и астрологии до парапсихологии и уфологии?

Не является ли этот прием простой обманкой, симуляцией дискурса университета для обеспечения преимуществ полагания своих интуиций в «научоцентристской логике»? С нашей точки зрения, здесь необходима стратегия последовательного продумывания применяемых метафор «иного рода наук», сознательная стратегия развертки именно тех смыслов, которые они приносят вместе со своей фигуративностью. А значит, необходимо попытаться осуществить перевод фигуры речи в дискурс на основе ее метафорической паралогии.

Тем самым, любые метафорические и дискурсивные трансферы возможны и даже креативны, если они работают на обеспечение понимания логики функционирования объекта, и, несмотря на гетерогенность средств описания, эта логика становится нам доступной. Таким образом «невыразимое» и «дискоммуникативное» (патогенное ядро), прежде полагавшее границу, предел анализу, должно теперь через метафоризацию и последующую дискурсивную развертку получить соответствующий язык, чтобы заполнить случившийся психоаналитический «разрыв». С психоаналитической точки зрения, альтернатива здесь проста: или оставить сопротивление бессознательного непреодоленным,

или «заставить» его самораствориться в первичном процессе, получить свою новую репрезентацию и, наконец, заполнить разрыв в горизонте воспоминаний через анамнез бессознательной жизни (совершить в *Erinnerung* то, что Фрейд называл *Durcharbeitung*).

Упрощенно-дидактически можно было бы представить себе следующую «картину» психоанализа: психический аппарат человека (хаосмос, в терминах Делёза и Гваттари) топологизируется, т. е. пространственно разносится по трем составляющим Сознание-Подсознание-Бессознательное. Между этими частями проходят устойчивые границы, состоящие из механизмов защиты, именно они обладают сопротивлением. Наибольшее количество сопротивления сосредоточено между сознанием и бессознательным. Основная задача анализа — преодолеть сопротивление и дать возможность сознанию постичь содержания бессознательного. Решающим фактором здесь является техника проявления вытесненных воспоминаний из бессознательного на «экране» сознания (на котором постепенно воссоздается психоисторическая картина собственной жизни человека, его индивидуальная психобиография). Глубина проникновения в бессознательное является гарантией успеха: посему в этом проникновении в прошлое горизонт аналитически доступных событий-переживаний-воспоминаний постоянно сдвигается к патогенному ядру, чтобы последнее все-таки проявило себя на этом горизонте и, осознанное, — прекратило бы свою клиническую, подрывную работу.

Между тем Фрейду все же пришлось вводить в психический хаосмос структуру другого порядка: Я, Оно и Сверх-Я. При этом новые инстанции не совпадают полностью с топологическими слоями психики, более того, например, Сверх-Я может располагаться и в бессознательном, и в сознании. Это дополнение к топологической модели, которое предлагает Фрейд, указывает на то, что разделение психики на бессознательное, сознание и подсознание не вполне удовлетворяло его, хотя бы потому, что не позволяло охватить все процессуальные аспекты психической деятельности, например, выявить ту же специфику механизмов защит.

Но поставленная таким образом задача предполагала с помощью физической метафоризации элементарных процессов выразить невыразимое, или дать возможность сознанию обрести понимание того, что происходит в психическом хаосмосе. Проблемой остается здесь следующее: анализ все еще по существу не может проникнуть глубже горизонта воспоминаний, на котором первосцена-событие проявляет себя из бессознательного (вытесненного). Он остается специфической техникой «проявления» вытесненного-забытого в случае травматической концепции, или же техникой протезирования — в случае концепции отклоняющегося или нарушенного развития. Нечто невыразимое все еще остается за горизонтом воспоминаний, парадоксально представляя собой *сопротивление в чистом виде*, сопротивление как таковое, единственной обнаруживаемой способностью которого остается удержа-

ние разрывов на границе, амнезий и парамнезий — на горизонте событий, то есть того, что через собственную недоступность защищает индивида от разрушения.

Но вместе с тем в разрывах горизонта событий-воспоминаний (вследствие специфических причин, характерных для конкретного индивида, например, в результате психотического эпизода галлюцинаторного психоза или чувственного бреда) защитный горизонт дестабилизируется и невыразимое «обнажается», то есть начинает взаимодействовать с психическими инстанциями (в режиме одностороннего захвата нормопатической структуры). Это невыразимое в психическом хаосмосе, обладающее своей собственной спецификой, мы и предлагаем назвать *сингулярностью*. При ее проявлении в разрывах горизонта событий и взаимодействии с психическим полем возникает нечто подобное психическому резонансу: это не эмпатия, не отклик и не реагирование, а именно резонанс (опять-таки в смысле прямой физической метафоры), отсюда происходят и интерпретационный бред, и бред преследования, и синдром психического автоматизма.

Сингулярная формация обладает основным аналитически обнаруживаемым свойством — изменять состояния и поглощать составляющие психического аппарата, нарушать его внутренние границы, гомеостаз и метрику психического пространства посредством силы, которая действует только в одном направлении — к своему виртуальному центру. В этом заключается самое значимое отличие сингулярности от бессознательного. Если силы бессознательного стремятся вернуться, ищут пути и осуществляют прорывы в психоэмоциональные и поведенческие сферы, осуществляют свою «вылазку» то ли в прямом, то ли в искаженном и отцензурированном виде, то силы сингулярности поглощают через разрыв горизонта событий психическую «материю», изменяя ее динамику, режимы функционирования, вызывают «коробление» пространственно-временной метрики антропологических параметров психики. Клинически говоря, бессознательное поддерживает и воспроизводит невротический, а сингулярность — психотический статус индивида.

В чем значимость выделения в психике такой сингулярной инстанции? Ведь кажется, что повреждение горизонта событий может быть стратегически задано техникой аналитической терапии как способом доступа к бессознательному, но если при этом не различать бессознательное и собственно сингулярность в метрике психического пространства-времени, то у психоанализа тут же возникает фундаментальная «неприятность»: он перестает работать с психозом.

Вполне вероятно, что психотическое замещение реальности в психике (бред, галлюцинации) есть не что иное, как обнажение сингулярности, ее предъявление, и продолжать работать с ней в ключе бессознательного становится непродуктивным, поскольку чувственное замещение реальности (т.е. трансформация визуального, звукового, обонятельного и тактильного статуса реальности) не может быть про-

стым прорывом некогда вытесненного желания, это не его симптом, а скорее воздействие сингулярности на формации, лежащие на пределах психофизиологической статичности и ответственные за работу органов чувств. При этом эм-патия не сминается психо-патией, как то считал Фрейд. Похоже, что в психозе они принципиально не конфронтируют, поскольку разнесены разнонаправленными силами в зоне поврежденного горизонта событий в отношении смежности и топологически, и функционально.

Вместе с тем здесь же намечаются возражения и более изощренному взгляду на психику Жака Лакана: субъект не только эффект, посредством которого говорит бессознательное, и не только шифтер первичного означающего. Даже принимая лакановский способ децентрации субъекта, необходимо прийти к логике децентрации самого бессознательного, вводя не еще один новый центр, а дыру в конstellляции психических инстанций. Дыру, которая не только не отвечает за опыт реальности или, более того, — определяет его, но, напротив, интенсивно «поглощает-конвертирует» этот опыт через разрывы горизонта событий. Если невроз — это столкновение между внутриспсихическими инстанциями, то психоз — это столкновение психики с пра-психическим, витальностью как таковой. Схлопывание психической реальности — вот чем заведует сингулярность, посему бессознательное не может являться единственной конечной объяснительной инстанцией, оно — лишь еще один маркер психического пространства-времени, конституированный психоаналитической инженерией с целью ориентации в хаосмосе человеческой психики. В соответствии с этим утверждать теперь, что психический хаосмос устроен подобно расставленным нами ориентирующим меткам, весьма опрометчиво. Отсюда просматриваются и возможности совершенно иного принципа типологии расстройств (вместо ныне действующего в МКБ-10¹) и, соответственно, концепции развития и нарушений. К сожалению, даже Феликс Гваттари, несмотря на гениальный прорыв к теории фракталов и новое шизообоснование, гипостазирует бессознательное. Весь современный психоанализ, так или иначе, все еще остается замороженным бессознательным, хотя классическое построение расстройств на линии невротик — пограничный — психотик уже не может иметь ни линейной последовательности нарушений (по принципу легкости — тяжести), ни исчисляемой симптоматико-синдромной формулы количественно-качественного перехода от невроза к психозу, если принять во внимание пра-психический статус сингулярности. Другими словами, в основании неврозов и психозов лежат принципиально разные механизмы и «обслуживаются» они принципиально разными инстанциями, поэтому между ними нет ни последовательной линии восхождения — нисхождения, ни полярной противоположности.

¹ То есть в ныне действующем десятом пересмотре Международной классификации болезней. — *Прим. ред.*

Для понимания сущности работы сингулярности в психике может быть показательным такое «неудобное» для классической терапии расстройство как аутизм, который примерно в пятидесяти процентах случаев возникает «ни с того ни с сего», как бы беспричинно. В логике сингулярности он будет определяться тем, насколько *далеко* (= пространственная метафора функциональности) маркер сознания «располагается» от сингулярности или, другими словами, насколько сознание «приближено» к горизонту событий-воспоминаний. Если контроль за восприятием и опыт реальности, записанные за функцией сознания, не прошли в развитии необходимую нормопатическую дистанцию от сингулярности, они обретают антропологически совсем иные (отличные от конструкта «нормы») скоростные взаимодействия с горизонтом событий: для психологической нормы все кажется замедленным, для аутиста — напротив, психический процесс обретает сверхскоростной характер. Опыт реальности смещается к горизонту событий и, пересекая его, становится сингулярным, или пра-психическим. И тем самым «давно» состоявшимся в телесном коллапсе. «Кататонический» взгляд аутиста как бы захвачен сингулярной гравитацией: психический процесс для внешнего «наблюдателя» замедлился и даже остановился, на самом же деле этот «наблюдатель» просто «не догоняет» (вследствие нормированной антропологии) скорости протекания процесса, и в своей обратной афферентации определяет такое психическое поведение-состояние как неадекватное. В предлагаемой нами системе психических координат дело теперь не в психосоциальной реадaptации аутиста посредством реконструкции материнской заботы-внимания, а в том, насколько может разрастаться дыра сингулярности, захватывая (поглощая) измерение психического и «упаковывая» его в протосоматическое. В этом случае эффективная терапевтическая работа будет заключаться в набавывании дистанции по отношению к горизонту событий посредством обратно направленной «гравитации»: например, через формирование квазипривилегированного психического объекта, способного «оторвать-отодвинуть» инстанцию сознания от сил сингулярности. Эта процедура значительно отличается от современной аналитической установки «залатывать» дыры воспоминанием-переживанием.

Итак, *сингулярность* — это метрика психического, которая обладает а-нормопатическими свойствами, не допускающими прямой психической интерпретации. Если говорить предельно упрощенно, сингулярность — это *пра-психическое* в психике. Поэтому она всегда находится «за» горизонтом событий, взаимодействуя с ним в логике «черной дыры»: с одной стороны, сингулярность скрывается горизонтом событий, с другой — через разрывы в последнем (например, те же психотические дыры в реальном) дезорганизует и «втягивает-поглощает» психические процессы своей мощной гравитацией. При этом она обнаруживает себя парадоксальным процессом перевода психического в соматическое, т. е. полаганием качественного различия между ними.

Такое «гравитационное» смещение психических инстанций к сингулярности определяется интенсивностью, глубиной и скоростью соскальзывания нормопатических антропологических параметров к базальным церебрально-биологическим. Отсюда *горизонт событий-воспоминаний* — это граница психической картины мира, еще доступная для антропологического восприятия и формирования (опыта, фиксации памятью, переживания и т.д.); «за» ним или «под» ним наличествует качественно иной процесс, построенный на принципиально иной пра-психической метрике (например, *психомоторной*, если частично использовать гипотезу Бернара Жибелло, по которой первичные репрезентации ребенка относятся не к репрезентациям вещей и не к вербальным репрезентациям, а к психомоторным изменениям, например, репрезентациям равновесия).

Концептуальную попытку описать сингулярность предпринял Ф. Гваттари («Хаосмос»², «Машинное бессознательное»³), но поскольку его основной задачей являлось обоснование шизоанализа в противовес психоанализу, он акцентирует внимание на машинном характере сингулярности, располагая ее в границах антропоморфного становления. Эта сингулярность в качестве абстрактной машины в устройствах кодирования не зависит ни от способов субъективации, ни от семиологических порядков «денотации—репрезентации—сигнификации». И в этом отношении сингулярность как бы замещает бессознательное, исполняет его «логику» без ссылки на дискурс субъекта и тем самым создает сингулярные черты несемииологически организованной материи. Пересмысливая и развивая этот подход, можно предположить, что сингулярность — это своеобразный реликт психического антропогенеза, или филогенетический «остаток» процесса «нулевого уровня». Именно поэтому она находится исторически до и топологически вне триады Сознание—Подсознание—Бессознательное, вне первичного и вторичного процессов, и, соответственно, прямо не зависит от социокультурной инфраструктуры психического хаосмоса, его репрезентаций, способов организации и производства. Но только при ее «подпирающем» наличии возможен горизонт событий-переживаний-воспоминаний, перекройкой, штопаньем и реинтеграцией которого занят психоанализ.

Итак, горизонт событий в качестве антропологической границы-поверхности обладает нестабильной метрикой, он выслан антропоцентристским опытом реальности, структурированным защитными механизмами (воображаемым, по Жаку Лакану), может травмироваться (повреждаться, разрываться, нарушаться, диссоциироваться) и, наконец, интенсивно поглощаться пра-психическим. В этом отношении весьма продуктивной оказывается метафора «плотности», введенная

² Guattari F. Chaosmosc. — Paris: Galilée, 1992.

³ Guattari F. L'Inconscient machinique: essais de schizo-analyse. — Fontenay-sous-Bois: Recherches, 1979.

Феликсом Гваттари при его обращении к «патической субъективности». По существу сингулярное сопротивление можно осмыслить именно в плане плотности, то есть не через количество противодействия, а через проницаемость, плотность горизонта событий. Сопротивление невыразимого тем самым вовсе не преодолевается, а скорее теряет плотность, позволяя просачиваться «сквозь» собственную ткань знакам-частицам, носителям структуры иного дискурса или, как их называл Ф. Гваттари, «квантам возможного», открывающих иную возможность понимания. Эти кванты возможного — применяемые даже в качестве физической метафоры — позволяют «вспомнить» невыразимое, то есть обновить глубину горизонта воспоминаний неинтегрированного опыта событий и переживаний и — посредством смены аналитической оптики — обнаружить на квантовом уровне (взаимодействия) полную утрату сопротивления в пользу проницаемости. Инсайт является лишь одним из способов смены ментальной оптики: при этом защита отнюдь не исчезает в никуда из структуры психического аппарата, но через введение микрофизики квантирования становится проходимой для анализа.

В этом кратком очерке нам хотелось показать, что было бы продуктивно дополнить маркеры-инстанции психики Сознание—Подсознание—Бессознательное еще одной существенной инстанцией — Сингулярностью, позволяющей по-новому поставить вопрос как о психозах в частности, так и о типологизации нервных и психических расстройств в целом. Еще одним положительным следствием привлечения данной инстанции становится пересмотр классической концепции сопротивления, позволяющий перейти от «омического» количественного представления о нем к образу «квантовой» плотности сопротивления, что, несомненно, приведет к возможности разработки новой более эффективной техники аналитической работы с сопротивлением.